



Сейбель Н. Э. Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти / Н. Э. Сейбель, Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 319—335. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335.

Seibel, N. E., Shastina, E. M. (2022). Dichotomy of “Friend” and “Foe” in Structure of Eastern Notes of F. Salten, F. Werfel, E. Canetti. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 319-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-319-335

**Дихотомия «своего»  
и «чужого» в структуре  
Восточных заметок  
Ф. Зальтена, Ф. Верфеля,  
Э. Канетти**

**Сейбель Наталия Эдуардовна**<sup>1</sup>  
orcid.org/0000-0002-6840-8286  
доктор филологических наук, доцент,  
кафедра литературы  
и методики обучения литературе  
seibel\_ne@mail.ru

**Шастина Елена Михайловна**<sup>2</sup>  
orcid.org/0000-0001-9551-5469  
доктор филологических наук,  
профессор,  
кафедра немецкой филологии  
e.shastina2104@gmail.com

<sup>1</sup> Южно-Уральский государственный  
гуманитарно-педагогический  
университет  
(Челябинск, Россия)

<sup>2</sup> Казанский (Приволжский)  
федеральный университет  
(Елабужский институт)  
(Елабуга, Россия)

**Dichotomy of Friend”  
and “Foe” in Structure  
of Eastern Notes  
of F. Salten, F. Werfel,  
E. Canetti**

**Natalia E. Seibel**<sup>1</sup>  
orcid.org/0000-0002-6840-8286  
Doctor of Philology, Associate Professor,  
Department of Literature and Methods  
of Teaching Literature  
seibel\_ne@mail.ru

**Elena M. Shastina**<sup>2</sup>  
orcid.org/0000-0001-9551-5469  
Doctor of Philology, Professor,  
Department of German Philology  
e.shastina2104@gmail.com

<sup>1</sup> South Ural State Humanitarian  
Pedagogical University  
(Chelyabinsk, Russia)

<sup>2</sup> Elabuga Institute  
of Kazan (Volga region)  
Federal University  
(Elabuga, Russia)



## ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

### Аннотация:

Рассматриваются путевые заметки трех австрийских писателей иудейского происхождения: «Новые люди на старой земле» Ф. Зальтена, «Египетский дневник» Ф. Верфель и «Голоса Марракеша» Э. Канетти. На основе сравнения текстов выделяется типологическое сходство на нескольких уровнях: во-первых, значение путешествия как возвращения к истокам в биографии писателей; во-вторых, структурное сходство мотивов, композиции и хронотопа заметок; в-третьих, повторяющаяся нарративная структура текстов. Показаны принципиальные различия, выявленные в ходе типологического анализа, которые связаны с отражением современными авторами политических событий, каждый из них связывает геокультурный образ пространства со своей трактовкой истории. Отмечается, что связующим звеном времен у всех троих выступают миф и язык, подчеркивается мессианство поэта. В статье сделан акцент на самоопределении рассказчика по отношению к описываемому миру. Преодолевая предвзятость европейского ориентализма, авторы приходят к заинтересованно-наставнической (Зальтен), отстраненно-объективной (Верфель) или безразличной позиции фланёра (Канетти). Делается вывод, что движение от восторженного утопизма Зальтена к разочарованию Канетти сопровождается сменой циклической концепции истории идеей этернализма.

### Ключевые слова:

путевые заметки; Зальтен; Верфель; Канетти; ориентализм; сионизм; мифологема.

## ORIGINAL ARTICLES

### Abstract:

The travel notes of three Austrian writers of Jewish origin: "New people in the old land" by F. Salten, "Egyptian diary" by F. Werfel and "Voices of Marrakesh" by E. Canetti are considered. Based on the comparison of texts, typological similarities are distinguished at several levels: firstly, the meaning of travel as a return to the origins in the biographies of writers; secondly, the structural similarity of the motives, composition and chronotope of the notes; thirdly, the repetitive narrative structure of the texts. The fundamental differences revealed in the course of typological analysis are shown, which are associated with the reflection of political events by modern authors, each of them connects the geocultural image of space with its own interpretation of history. It is noted that myth and language are the connecting link of the times for all three, the messianism of the poet is emphasized. The article focuses on the self-determination of the narrator in relation to the described world. Overcoming the prejudice of European Orientalism, the authors come to an interested-mentoring (Salten), detached-objective (Werfel) or indifferent position of a flâneur (Canetti). It is concluded that the movement from the enthusiastic utopianism of Salten to the disappointment of Canetti is accompanied by a change in the cyclical concept of history by the idea of eternalism.

### Key words:

travel notes; Salten; Werfel; Canetti; Orientalism; Zionism; mythologeme.



## Дихотомия «своего» и «чужого» в структуре Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти

© Сейбель Н. Э., Шастина Е. М., 2022

### 1. Введение = Introduction

Начиная с литературы эпохи Просвещения, Восток (Персия, Палестина) совмещает в себе функции абстрактного экзотического пространства и утопического мира сакральности и мудрости. Для Монтескье («Персидские письма»), Вольтера («Царевна вавилонская»), Гёте («Западно-восточный диван») и др. восточное путешествие — это путь открытия и прозрения. В речи «Дух Востока и иудаизм» (1916) Мартин Бубер говорил: «В конце XVIII и начале XIX века <...> знали, что Восток — это единство, <...> смотрели сквозь оболочку разнообразия в единую сердцевину духа <...>. Это понимание оставалось живым до тех пор, пока расовая теория нашего времени не добилась широкого успеха, <...> в попытках уничтожить самое благородное свойство познания человечества: тотальность» [Buber, 2013, S. 187].

### 2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В начале XX века утопии восточного возрождения соединяются с проектами восстановления еврейской государственности («Der Judenstaat» Т. Герцля выходит в 1896 году) и на фоне важных для модернизма поисков предпонимания («Vorverständnis» по Хайдеггеру) и прообраза («Urbild» Гессе) порождают целый поток ‘Восточных’ текстов. Один за другим австрийские писатели иудейского происхождения — Ф. Зальтен, Ф. Верфель, Э. Канетти — совершают ‘паломничество’ на Восток, обогащающее их творчество знаковыми произведениями «Новые люди на старой земле», «Египетский дневник» и «Голоса Марракеша».

Осознание границ «своего» и «чужого» в Восточных текстах представляет широкое поле для литературоведческого исследования. Описание Другой культуры долгое время было прерогативой компаративистики, делавшей акцент на взаимосвязях и взаимовлияниях культур и уступившей в середине XX века лидирующие позиции вошедшей в моду имагологии: «Не будем больше, — писал М.-Ф. Гийяр в книге «Сравнительное литературоведение» (1951), — прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие



мифы о других народах и нациях» [Цит. по: Трыков, 2017, с. 18]. Следствием стало вытеснение собственно литературоведческих задач (связанных с поэтикой текстов) междисциплинарным изучением постколониального культурного пространства, где литература рассматривается лишь как один из ретрансляторов культурных стереотипов.

С появлением книги Э. В. Саида «Ориентализм» (1978) почти любой текст о ‘Востоке’ воспринимается как объект внелитературной полемики и трактуется как форма отражения западных предрассудков, поскольку европейский писатель вынужденно взаимодействует с «колониальным дискурсом» [Саид, 2006, с. 8] в целях «оправдания прав на захват terra nullius» [Там же, с. 506]. Так, Э. Канетти в исследованиях 80—90-х годов последовательно упрекают в том, что в «Голосах Марракеша» он актуализирует «ориенталистский взгляд» европейца на колониальную топику [Ferguson, 1997, S. 568—594; Kalatenbali, 2005, S. 18—76], предает своё мультикультурное происхождение, обостряет конфликт Запада и Востока «до цивилизационного противостояния» [Murphy, 2004, S. 171]. Как образец дистанцирования от ориентализма и самоопределения Зальтена в контексте еврейства составляет путевые очерки Р. Шлейхер [Schleicher, 2006, S. 39—42]. Написанные по восточным впечатлениям Верфеля тексты вызвали острую реакцию как «прославляющие христианство» [Jungk, 1991].

«Заслуга имагологии в том, что она актуализировала, действительно, важную сферу научного поиска — всё, что связано с изучением образа Другого» [Трыков, 2017, с. 27], однако литературоведение обладает достаточно широким инструментарием для её изучения. Так, не теряет актуальности онтологический подход, описывающий художественный мир писателя в системе дихотомии концептов «своё» — «чужое» на уровне вертикали (религиозные — нравственно-этические смыслы) и горизонтали (национальное — пограничное). Его на примере художественных текстов Верфеля начала 1930-х годов демонстрирует исследование Е. Ю. Опариной [Опарина, 2009]. Широкие возможности даёт также мифопоэтика, актуальная как при описании главного мотива — пути, — организующего тексты [Gottstein, 2007], так и при интерпретации отдельных эпизодов. В диссертации Н. И. Волокитиной, например, рассматривается образ пророка Илии в текстах Верфеля начала 20-х годов [Волокитина, 2019, с. 85—91], а С. Ханушек описывает мифологему превращения, при помощи которой Канетти «включает в сознание читателя видимые и невидимые метаморфозы окружающей реальности» [Hanuschek, 2005, S. 539]. Осознание границ «своего» и «чужого» реализуется в наррации текста. Точка зрения рассказчика, эволюция его самосознания — главный предмет исследования трех собраний Восточных заметок почти одновременно пришедших в литературу австрийских авторов.



### 3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Задача восточных странствий во всех трех случаях — обретение себя, поиск источника вдохновения на «родине предков», преодоление мировоззренческого и творческого кризиса.

Кризисность мироощущения менее очевидна у Зальтена, чьи заметки приурочены к двадцатой годовщине смерти друга и учителя Теодора Герцля. Текст Зальтена выполняет задачу популяризации идеи создания нового государства, он ориентирован на широкого европейского читателя. Для писателя сионизм — «восточно-еврейская альтернатива рациональной западной цивилизации» [Müller, 2017, S. 82]. По проблеме сионизма он не раз высказывался, мастерски лавируя между сдержанно-либеральными заявлениями в венской прессе и «целенаправленно антиассимиляционной и воинственной позицией» [Schwarz, 2009] в националистских кругах.

Франц Верфель посетил Ближний Восток дважды: в 1925 и 1929 годах он путешествовал по Сирии, Палестине и Египту. Итогом стали «Египетский дневник» (1925), пьеса «Павел у иудеев» (1927), роман «Слушайте голос» (1937). Он находился под влиянием дружбы с М. Бродом и М. Бубером, публиковался в их сионистском журнале «Der Jude», но избегал соблазна «национализировать своё творчество» [Werfel, 1975, S. 696]. После поездки он надолго садится за чтение истории, немецкие переводы книг Ветхого Завета и Талмуда, заново учит иврит.

Виднее всего связь Восточных путевых заметок с кризисным мироощущением автора у Канетти, который в 1954 году, находясь в своеобразном творческом «тупике», связанном с работой над исследованием «Масса и власть», принял приглашение А. Максвелла примкнуть к группе британских кинематографистов, снимавших экзотику Марракеша. Журнальная публикация отчета о путешествии предшествовала книге более, чем на десятилетие — Канетти потребовались время и дистанция для «диагностики культуры» [Görbert, 2009, S. 65], чтобы собрать отдельные фрагменты в книгу, которая вышла в 1968 году.

#### 3.1. Топография Древней земли: от феноменального к ноуменальному

Каждый из авторов осмысляет Восток в контексте своего понимания времени и культуры, отталкиваясь от конкретной географии и материальных объектов — каким бы мифическим ореолом они ни были наделены.

Актуальный исторический контекст важен Зальтену, Верфелю и Канетти в разной степени.

Зальтен обсуждает судьбу репатриантов второй (1904—1914) и третьей (с 1919) алии, воспекает их как тружеников и оптимистов. Рефреном текста становится полемика с неким высококомерным туристом, заявившим



автору в начале пути: «В Иерусалиме ничего не происходит» [Salten, 1925, S. 20]. Красной нитью через заметки проходит утверждение: все самое важное происходит именно в Палестине — здесь строится Новый мир. Политический центр мира для Верфеля — рушащиеся империи (Австро-Венгерская и Российская), Восток — спокойная периферия, живущая памятью о былых конфликтах, один из которых — еврейско-арабский — напоминает о себе бессмысленными спорами. Канетти игнорирует злободневность, намеренно отказывается от описания социальных катаклизмов, которые в 1956 году привели Марракеш, бывший колонией Франции, к независимости, его интересует именно мифологическая реальность, он поэтизирует мир, лишая его примет сегодняшней политической жизни.

Как любой травелог, путевые заметки Зальтена, Верфеля и Канетти представляют геокультурный образ пространства, составленный из дискретных картин: видимый, наблюдаемый в физических параметрах топос сталкивается с заранее сформированным представлением, опирающимся, преимущественно, на мифологические, ноуменальные, метафизические образы. В итоге каждый из них понимает приобщение к культурному и мифологическому наследию, хранимому Востоком, как путь восстановления живой веры. Восточные земли должны стать для писателей открывшимся реликвиарием смыслов. Соединение во всех трех текстах картин, фрагментов и эпизодов подчинено концептуализации авторского понимания веры и истории. Так, мир у Зальтена разбит на иудейскую, христианскую и арабскую части, у Верфеля — на природную (пустыня) и урбанистическую, у Канетти — на древнюю и новую.

Зальтен ожидает, что топография Святых мест породит мощное переживание и дарует утешение. В выборе объектов наблюдения он отдает предпочтение человеческому, малому, трогательному: «В Палестине нужно обращать внимание на мелкое и незаметное <...>. Воспоминания за воспоминаниями охватывают всё пространство» [Salten, 1925, S. 193]. Тихий дом Руфи и могила Рахели пробуждают в путнике чувства сопричастности добру и святости человеческого самоотвержения. Ветхозаветные места вызывают и религиозный восторг, и смирение, но и боль, сочувствие и скорбь. Однако основное внимание он сосредоточивает не на описании реально виденного, а на идеальном представлении о восстановлении Древней земли как колыбели трех авраамистических религий, места их встречи и примирения. Набожность, исповедуемая Зальтеном в очерках, «отвергает слово “ортодоксальность”, <...> в ней <...> нет ничего от рьяного фанатизма» [Salten, 1925, S. 267], но она обладает силой оживить древнюю историю, даже когда время уничтожило материальные следы ветхозаветного прошлого. Новые поколения иудеев должны вернуться в Палестину и превратить ее в цветущий сад. Скитания в поисках родины есть судь-



ба каждого еврея. Они — залог нравственного становления, преодоления рабской покорности, мелочного тщеславия, бессмысленного бунтарства, они — совершённый Яхве «переворот» (Umsturz) [Salten, 1925, S. 18], сформировавший лучшие качества народа. «Свое» для него — смирение, священная земля, доверие Богу, крестьянский труд.

Верфель, как и Зальтен, бежит от религиозного фанатизма. При этом он заведомо критичен по отношению к мифологической топике. Странствуя по библейским местам, он, скорее, чурается возможных материальных свидетельств мифологических фактов, «ожившие мифы создают дискомфорт» [Werfel, 1975, S. 716]. Для Верфеля не связанный с конкретными памятниками и местами абстрактный образ человечнее и обладает большим потенциалом и энергией нравственного воздействия. Представшие перед ним во всей реальности и материальности следы египетских культов он противопоставляет тем религиозным сюжетам и фигурам, которые сохраняют свою абстрактность, чьё существование недоказуемо. Ощущение святости, которое автор тщетно ищет около храмов и мечетей, обретено единением с магической пустыней. Верфель прославляет доцивилизационную религиозность, гипногическую отрешенность — преодоление страха смерти. Она не нуждается в «историях», «сюжетах», «героях» — только в экстагическом чувстве сопричастности миру.

Вместо зальтеновской идеи труда и преобразования земли Верфель утверждает идею восхищения землей. Его понимание веры базируется на поэтическом провидении, чувстве единения человека и мира, возникающем на основе открытия красоты и величия мироздания.

Канетти — человек мира, избегающий конфессиональной определенности: «Как непостижимо скромны люди, без остатка посвящающие себя одной-единственной религии! У меня очень много религий, а та единственная, что все их объединит, сложится лишь в течение моей жизни» [Канетти, 1990, с. 250]. Его интересует не столько миф, сколько мифический субстрат, благодаря которому человек «способен к превращениям». Главное призвание художника — «хранителя превращений» состоит в том, чтобы зафиксировать этот дар. Встречающиеся на улицах города разнообразные типажи воплощают для Канетти фантазмагорические метаморфозы, соединяющие прошлое и настоящее. Следы древности, считает Канетти, отрываются от временных и географических координат, теряются в цепи бесконечных превращений и обнаруживаются только в людских лицах, нравах и голосах. Восточный базар — место встречи душ, скитающих в вечности, пример своеобразной реинкарнации его предков. Вера и история для Канетти сходятся на позициях этернализма — идее смешения и совмещения времен. Следы патриархальной старины помогают ему



«вспомнить» сущностные характеристики себя, мира и времени, асимметрия которого воплощена в лицах восточных торговцев. Описывая «чужое» настоящее, автор, таким образом, постепенно приходит к узнаванию и открытию в нём «своего» прошлого.

Так, вступая в диалог с миром Востока, каждый из них по-своему отвечает на вечные вопросы бытия. Все трое стремятся обрести не внешние знаки национальной культуры предков, а концентрат творческой энергии, не нуждающейся в материальных подтверждениях, доказательствах, свидетельствах.

### **3.2. Встреча с прошлым и обретение языка Древней культуры в Восточных заметках Ф. Зальтена, Ф. Верфеля, Э. Канетти**

Знаками прошлого в Восточных заметках всех трех авторов закономерно становятся мифологемы, выполняющие функцию «границы времен»: утраченный Иерусалимский Храм — у Зальтена, появление Орфея — у Верфеля, миф о Вечном жиде — у Канетти. Распад иудейского мира у первых двух произошел при столкновении с греческой и римской античностью.

Величайшая историческая катастрофа — смена цивилизационной модели, выбранной человечеством — предопределила дальнейшую судьбу не только евреев, но и всей мировой культуры у Зальтена. Мир лишился ощущения связи времен и неразрывности истории, а носителями древней этики остались разблудившиеся по миру группы лишенных родины скитальцев.

На смену познававшим мир во взаимосвязи земли и неба, жизни и смерти, мифов и созвездий мудрецам у Верфеля пришел певец, легкомысленно пренебрегающий божественной волей ради прославления человека (Орфей). Для Канетти точкой отсчета скитаний сефардов становится проклятье Агасфера, родство с которым он неизменно ощущает, поддаваясь величайшему духовному искушению ощутить свои корни.

Связующим звеном времен и культур у всех троих выступает язык. «Свое» для них — это эстетически освоенное и поэтически осмысленное. Для всех троих язык несет в себе истинную энергию свободного созидания, связывает прошлое с будущим, открывает человеку путь единения с божественным, природным, вечным.

XVI очерк «Новых людей» Зальтена — это гимн ивриту, который выжил и восстал вопреки многовековому забвению. В отличие от греческого и латыни, превратившихся с гибелью Древнего мира в реликты культуры, он сохранился благодаря живому чувству сопричастности каждого еврея судьбе своего народа и вере в грядущее возвращение в Святую землю: «Он жил в их молитве, в их непрестанно живой Торе <...> Это был не язык несчастий и унижений <...> Но это был язык, на котором Яхве принял к себе Синай <...> Язык древнего завета Бога. Он происходил из далеких дней



свободы; он был собственной страной, был родовой землей Израиля и его почвой — этот Язык» [Salten, 1925, S. 148—150]. Причисляя себя к поколению писателей, нашедших своё предназначение в возрождении древней культуры, «студентов из Львова, студентов из Кракова <...>» [Ibid., S. 151], Зальтен осознает, что обретает почву, в которой нуждался.

Одна из важнейших записей дневника Верфеля — рассуждение о вечности и возвышенности иероглифической надписи, расширяющейся в сознании смотрящего до всеохватности истинной поэзии и дающей надежду на взаимопонимание: «В конце концов язык создает народ» [Werfel, 1975, S. 708]. Язык в понимании автора предстает транспортом традиции, хранилищем истин, вместилищем красоты: «Я твердо убежден, что в начале истинного человеческого языка <...> не было коммуникативной прозы, а скорее пропитанная знаниями песня <...> Поэты старейшие хранители, которым мы обязаны всем наилучшим» [Werfel, 1938, S. 25]. Не к мифу, а к поэзии нужно прибегать для прозрения истины. В балладах Гете и стихах Ленау полно соединились для Верфеля вера, творчество, интуитивное постижение действительности. Автор расширительно трактует язык как сродство жеста, интонации, как общность вербальных и невербальных средств: «Арабские языки — это пустынный призыв. Их фонетические законы обусловлены широтой эха на больших расстояниях. Ча-ха-ла-ле-хай (Cha-ha-la-le-hij) Даже иврит!» [Werfel, 1975, S. 716]. Язык — главный дар Бога людям. Нельзя «не содрогаться от мудрости и бездонной неизвестности языка. В начале было слово И слово было у Бога. Только благодаря тому факту, что это слово было переведено человеком, он стал истинным чадом Божьим» [Werfel, 1938, S. 24]. Осознание мессианства поэта, в целом свойственное творчеству Верфеля, важный итог его поездки, не зря одно из произведений, написанных по восточным впечатлениям Верфеля — роман «Слушайте голос» — о Пророке, способном изменить мир.

Язык является носителем древнего сакрального знания в тексте заметок Канетти: «Что такое язык? Что он скрывает? Чего он тебя лишает?» [Канетти 1990, с. 359]. Полиглот Канетти испытывает в Марокко — стране, языком которой он не владел, странное чувство: «Какая-то густая, дивно светящаяся субстанция не может из меня вытечь и насмехается над словами. Язык ли это, которого я там не понимал и который постепенно должен теперь внутренне переводить?» [Там же]. Ладино видится автору языком его предков, связующим звеном между прошлым и настоящим, способом собственной идентификации в чужой культуре. Утраченный и вновь обретаемый через интонацию, интуицию, жест язык должен открыть человеку путь к сакральному знанию. Метафора «спасенного языка» для Канетти частотна, она дала название одной из автобиографических книг («Спасенный язык»).



Возвращение к чистому языку древнего мира (ивриту у Зальтена, пиктограммам у Верфеля, ладино у Канетти) открывает человеку путь к собственной естественной природе и дремавшим в нём духовным силам.

### **3.3. Эволюция позиции рассказчика в путевых заметках Ф. Зальтена, Ф. Верфеля и Э. Канетти. Принцип симметрии**

Все трое рассказчиков в путевых заметках Ф. Зальтена («Новые люди на старой земле»), Фр. Верфеля («Египетский дневник») и Э. Канетти («Голоса Марракеша»), попадая в экзотический мир Востока, изначально оценивают внешние объекты как «чуждые». Авторы не лишены европейских предрассудков. Они избегают притяжательных местоимений первого лица, не идентифицируют себя с новой родиной евреев. Зальтен продолжает «тосковать по дому» [Salten, 1925, S. 192] — европейскому дому, о котором он не только вспоминает сам, но расспрашивает своих собеседников. «Мы» по отношению к осваивающим Палестину евреям он произносит лишь однажды, почувствовав себя уязвленным в своем религиозном чувстве. Позитивная характеристика описываемых мест часто создается сравнением с Альпами, Веной, Прагой, Брно, ассоциациями с европейской живописью. Верфель не только занимает эстетическую позицию европейца, меряя, например, красоту мечети сравнением с собором Святого Марка, но и исходит из исторической перспективы европейских войн и революций — продолжает активно интересоваться вопросами коммунизма, сионизма и т. д. Канетти ищет во встречаемых лицах отражения картин Рембрандта и Делакруа и не игнорирует очевидных бед и пороков, таких как нищета, детская проституция, базар, где продаются изнуренные животные и т. д.

Все трое возлагают большие надежды на встречу с Востоком. Зальтен — восторженный сионист, утверждающий идею освоения земель и зарождения нового государства. Верфель начинает «Египетский дневник» с идеализации нефилов, отправляющихся в Палестину, и главный объект его внимания — мигранты, решившиеся начать новую жизнь. В архиве Канетти, хранящемся в Центральной библиотеке Цюриха, есть записи о поездке в Марракеш — «путешествии, из которого нет пути назад», «неизведанном ранее, настолько новом, что можно все начать заново» [Hanuschek, 2005, S. 529]. «Первые контакты» с восточной толпой для него — встреча с собственными предками, приобретающая статус эпифании.

Путь эволюции, этапность становления рассказчиков становится новой сегментацией текстов путевых заметок всех трех авторов, в композиционном центре которых оказывается осознание своей причастности к истории Востока и родства с Древней землей. У Зальтена и Канетти это еще и «геометрический» центр текста: XIV очерк (из 30-ти) у Зальтена —



утверждение миссии евреев стать посредниками между цивилизациями и народами, относительно этого центра симметрично расположены повторяющиеся картины, сцены и мотивы; главы VII и VIII (из 14-ти) у Канетти — «Посещение Меллаха» и «Семейство Дахан» — объединяют репрезентацию общественной жизни города и частной жизни его жителей. Однако после «стадии приятия» пути рассказчиков вновь расходятся.

#### **3.4. Мифологический план путевых заметок и самоопределение рассказчика в текстах Ф. Зальтена, Ф. Верфеля и Э. Канетти**

Во всех трех случаях важное место в самоопределении автора играет обращение к мифу.

В «Новых людях на старой земле» главная мифологема — это мифологема умирающего Моисея, не допущенного в Землю Обетованную и остановившегося в преддверии счастья своего народа. Ритмически организованные повторы позволяют автору выстроить ассоциативный ряд, в котором библейский пророк Моисей, ведущий иудеев к счастью, но не обретающий его, связан с «новым пророком» Теодором Герцлем и отчасти самим рассказчиком, сохраняющим дистанцию по отношению к Святой земле и ощущающим себя, скорее, «человеком мира». Судьба евреев — как становится очевидно из финального пассажа «Новых людей» — вечное повторение, они будут стремиться к обретению своей земли и бесконечно преодолевать преграды: потерянный рай, возвращение в Землю обетованную, современное возрождение Палестины — события одного ряда. Снова и снова удел тех, кто ведет их по пути обретения, трагичен: «Моисей держится на расстоянии от цели ... Решение, которое он принял, вести молодых, свободных людей в Землю Обетованную, поражает его самого, сильнее всего поражает его, поражает его прямо в сердце ... После сорока лет скитаний по пустыне он видит Землю Обетованную только издалека ... отречение, которое было таким болезненным, полным и таким простым» [Salten, 1925, S. 182]. Он (Моисей, Герцль) показал дорогу, выдвинул и обосновал идею, но не увидит её воплощения. Свою миссию рассказчик тоже осознает как трагическую — ему не стать частью этой утопии.

В «Египетском дневнике» Верфеля появляется мифологема ассоциированного с европейцами в восточных землях, не знающего насыщения Тантала, которому не приносят счастья богатства, окружающие его среди нищеты и несправедливости. В своей жажде жизни он утрачивает способность понимать Вечность, «живет в постоянном отчаянии, неизвестном древнему человеку <...>. Ибо счастье — это познание бессмертия, чудесное восприятие, радостное признание того, что смерти нет» [Werfel, 1938, S. 13]. Единственное, что осталось носителю европейской цивилизации от живого чувства со-



причастности Вечности — переживание эстетического восторга при встрече с произведениями искусства — «тогда расколотые душевные силы золотого века на мгновение снова собираются в нас» [Ibid., S. 32]. Истинных же ценностей: красоту пустыни, магическое величие гробниц, музыку и цветковые всполохи на шумных улицах — суетные чужаки не замечают.

Важнейшая мифологема в «Голосах Марракеша» Элиаса Канетти — мифологема пророка Илии. Для Канетти собственное имя всегда было особым знаком. Мифологема пророка Илии, воскрешающего мертвых и исцеляющего больных, играет важную роль в самоидентификации автора как «своего» для этой земли, несущего справедливость и стремящегося преодолеть рок смерти. Ассоциативная связь со смыслами набожности, строгости, предвидения, борьбы с идолами дает надежду на обретение искомого просветления и возможности самому стать причастным к памяти ветхозаветного святого. Однако на поверку новые «илии» не противостоят засилию идолопоклонства — желания благополучия, комфорта, «цивилизации», — поэтому протагонист отказывается присоединиться к религиозному празднику — Пуриму. Возвращения к истокам не происходит.

### **3.5. Наставник, обозреватель, фланёр — итоги преодоления отчужденности**

В «Новых людях на старой земле» Феликс Зальтен создает образ заинтересованного репортёра-комментатора, держащегося отстраненно. Однако постепенно осознание масштабов ежедневного подвига энтузиастов-мигрантов заставляет его почувствовать свою вовлеченность в восстановление и возрождение Палестины. Он движется от веры в будущее к осознанию прошлого и снова — к утверждению грядущей гармонии и процветания.

В процессе знакомства со «Старой землёй» автор постепенно переходит с позиции репортёра на позицию гостя: «Я так странно чувствую себя здесь <...> грустно, как подросток в комнате деда» [Salten, 1925, S. 229]. Важнейшим рубежом являются иерусалимские впечатления, благодаря которым он обретает чувство наднационального единства, осознает необходимость быть пропагандистом не только сионистской идеи, но «всесочувствия», интернационализма и «мирного завоевания» [Ibid., S. 272], основанного на обоюдной выгоде и прогрессе оказавшихся в ситуации противостояния народов.

В ходе странствий Зальтен осознает себя миссионером-наставником, утверждающим цивилизацию вне национальных границ. Он мечтает о встрече «посланников от каждого из народов» [Ibid., S. 140] в Иерусалиме. Он максимально близко подходит к идее «великого объединения народов Востока» М. Бубера, согласно которой иудаизм потенциально спосо-



бен объединить восток и запад через возврат к историческим и культурным корням [Buber, 2013, S. 187—204].

Верфель в своем дневнике проходит путь от разочарования в мигрантах к потрясению древней пустыней и сохранившимися нравственно-религиозную чистоту людьми. Он не бегущий от разочарований романтик, не прагматик, коллекционирующий впечатления, не турист (фланёр), безразлично обозревающий виды, он не ставит цели сравнивать Новый и Старый мир, он наблюдает за людьми, выбравшими жизнь вне Европейской цивилизации как «другую» возможность. Следствием становятся наполняющие текст объемные портретные зарисовки и жанровые картины: еврей-студент, продолжающий во время поездки на корабле практиковаться в пении, нищий слепой старик в порту, офицер пограничной службы, мальчик-посудомойщик, чья ловкость наделят его в глазах автора артистизмом.

Если Зальтен устремлён в будущее и повсеместно обнаруживает приметы грядущего процветания, то Верфель стремится бесстрастно и объективно судить об итогах: «Какие приметы останутся от нас, мы еще не знаем» [Werfel, 1975, S. 728]. Его пугают нищета, несправедливость. Он выражает равное сочувствие арабам и евреям, испытывает «жалость к назойливым уличным торговцам» [Ibid., S. 720] и неприязнь к американским и английским колонизаторам.

Переломным становится знакомство с пустыней: гробницы погружают автора в состояние транса, одиночества и катарсического просветления. «Они гипнотичны» [Ibid., S. 727]. Пустыня захватывает его своей безграничностью, картины строительства нового Гелиополиса «ошеломляют» [Ibid., S. 713]. В отличие от Зальтена и Канетти, для которых важным, даже поворотным, впечатлением стали синагога, молельный дом, Верфель проникается чувством своей сопричастности Святой земле через единение с природой и картинами человеческого благородства. Он дистанцируется от политической борьбы, развернувшейся вокруг палестинских земель. Только в 1929 году он выскажет свое восхищение: «Хотя я сам не сионист. Я до сих пор испытываю страстное восхищение евреями, работающими над восстановлением Палестины» [Ibid., S. 280].

Рассказчик Канетти проходит путь от надежды на обретение духовного дома к разочарованию и обострившемуся ощущению одиночества. Спустя тридцатилетие конфликты, на разрешение которых уповали Зальтен и Верфель, остались неразрешенными. Отправляясь в странствие, Канетти занимает позицию мифолога и эстетизатора, не призывающего к миру, но погружающегося в круг образов и звуков нарочито субъективной восточной сказки.

Канетти стремится к восприятию «с чистого листа»: «Я ничего не читал об этой стране. Её обычаи были мне столь же неведомы, как и ее



люди» [Канетти, 1990, с. 359]. Он уверен, что родственное чувство должно возникнуть само собой, от блуждания и лицемерия. В результате протагонист «Голосов Марракеша» занимает позицию фланёра [Ekelund, 2007, S. 185—186], который растворяется в пространстве между описываемыми им фигурами, «незаметно погружается в медитативную работу сознания» [Кучумова, 2019, с. 37]. Его впечатляют знаковые совпадения: так, знакомство с городом начинается с базара, а, как известно, предки Канетти были торговцами, и он чувствует свою сопричастность торговому сословию.

Перекрестком образов и смыслов, центром (композиционным и географическим) «Голосов Марракеша» становится для автора маленькая площадь Меллаха — основной пространственный образ текста, воплощение древности, традиции и спасения. У этого ключевого в контексте заметок пространства есть свои координаты: базар, школа, кладбище.

Его путь — путь упущенных возможностей. Базар у входных ворот оказывается переходным локусом между воплощающими древность торговцами и «роскошным кварталом», назначение которого — произвести впечатление на праздных туристов, где «уже никто не напоминал Авраама богатым и царственным видом» [Канетти, 1990, с. 363]. Кладбище — «сама правда, лунный ландшафт смерти» [Там же, с. 367] — предстает местом, где автор сталкивается с суетностью, ничтожностью человека. В итоге он осознает, что не обрел в этой поездке ни просветления, ни родства с единоверцами. Находясь в молельне — «маленьком продолговатом помещении, в котором горели сотни свечей», Канетти ощущает свою «чуждость»: «Меня не считали евреем, и я не совершал молитвы» [Там же, с. 369].

#### 4. Заключение = Conclusions

При существенных жанровых и идеологических различиях текстов Восточных заметок Ф. Зальтена, Ф. Верфеля и Э. Канетти их объединяет сходный набор мотивов, организующая хронотоп система соединения эпизодов, построенная на симметрии и повторах, отражающих эволюцию авторской позиции, и сходная нарративная структура. Вступая в диалог с миром Востока, каждый из писателей по-своему отвечает на вечные вопросы бытия.

Все три автора исходят из установки, что его путешествие — это возвращение к корням и истокам, которое должно принести просветление и важные духовные открытия. Однако направление эволюции меняется от утопизма и выработки собственной положительной политической программы — у Зальтена, к разочарованию и обострившемуся ощущению одиночества — у Канетти. Во всех трех случаях объективно наличествующий набор европейских предрассудков отчасти преодолевается писателем, ощущающим — пусть ненадолго — своё родство с Востоком и ассоциирующим самого себя с мифо-



логемами умирающего Моисея (Зальтен), не знающего насыщения Тантала (Верфель), воскрешающего мертвых пророка Илии (Канетти).

Дихотомия «своего» и «чужого» в Восточных заметках анализируемых авторов связана с антиномией прошлого и настоящего, прошлого и будущего. Современность с её политическими конфликтами не входит в круг задач и интересов писателей, но объективно проникает в текст через актуальные сцены и картины. Утопии «мирного завоевания» (Зальтен) и возвращения к пракультуре (Верфель) возникают как продолжение исторической концепции писателей. Каждое из путешествий — диалог автора с древностью. Границей прошлого и настоящего во всех трех случаях становятся мифологемы, связанные с мотивами потери, утраты, распада изначальной целостности, при этом связующим звеном времен и культур выступает поэзия, язык которой способен сохранить для вечности память о величии народа и стать основой его возрождения.

#### Источники

1. *Канетти Э.* Человек нашего столетия / Э. Канетти ; перевод с немецкого / сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова ; коммент. Р. Г. Каралашвили. — Москва : Прогресс, 1990. — 474 с.
2. *Canetti E.* Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise / E. Canetti. — Bearbeitet von Kurt-Michael Westermann. — München : Carl Hanser Verlag, 2002. — 160 S.
3. *Salten F.* Neue Menschen auf alter Erde / F. Salten. — Berlin : Paul Zsolnay Verlag, 1925. — 276 S.
4. *Werfel F.* Von der Reinsten Glückseligkeit des Menschen Eine Reded gehalten vor der Völkerbundliga zu Wien im Dezember 1937 / F. Werfel. — Stockholm : Bermann-Fischer Verlag, 1938. — 50 S.
5. *Werfel F.* Zwischen Oben und Unten / F. Werfel. — München-Wien : Langen-Muelle, 1975. — 915 S.

#### Литература

1. *Волокитина Н. И.* Фаустианские мотивы в творчестве Франца Верфеля : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. И. Волокитина. — Челябинск, 2019. — 165 с.
2. *Кучумова Г. В.* Немецкоязычный роман рубежа XX—XXI вв. : проблема Другого : монография / Г. В. Кучумова. — Самара : САМАРАМА, 2019. — 216 с. — ISBN 978-5-6043678-0-3.
3. *Опарина Е. Ю.* «Свое» и «чужое» в художественном мире Ф. Верфеля : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Е. Ю. Опарина. — Нижний Новгород, 2009. — 24 с.
4. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид ; перевод с английского А. В. Говорунова. — Санкт-Петербург : Русский Мир, 2006. — 639 с. — ISBN 5-9900557-1-4.
5. *Трыков В. П.* Имагология и имагопоэзия : два подхода к изучению одраза «Другого» / В. П. Трыков // Россия в литературе Запада. — Москва : МПГУ, 2017. — С. 17—28.
6. *Buber M.* Der Geist des Orients und das Judentum / M. Buber // Werkausgabe. — München : Gütersloher Verlagshaus, 2013. — S. 187—204.



7. *Ekelund L.* Im Schrittempo des Flaneurs. Elias Canetti im jüdischen Viertel von Marrakesch / L. Ekelund // *Interkulturalität und Intertextualität. Elias Canetti und Zeitgenossen.* — Dresden : Thelem, 2007. — S. 185—193.

8. *Ferguson S.* Elias Canetti and Multiculturalism / S. Ferguson // *Poetica.* — 1997. — № 29 (3/4). — S. 532—595.

9. *Görbert J.* Poetik und Kulturdiagnostik. Zu Elias Canettis “Die Stimmen von Marrakesch” / J. Görbert. — St. Ingbert : Röhrig, 2009. — 124 S. — ISBN 9783861104636.

10. *Gottstein M.* Felix Salten (1869—1945) — Ein Schriftsteller der Wiener Moderne / M. Gottstein. — Würzburg : Ergon Verlag, 2007. — 308 S. — ISBN 9783899135855.

11. *Hanuschek S.* Elias Canetti. Biographie / S. Hanuschek. — München-Wien : Carl Hanser Verlag, 2005. — 800 S. — ISBN 3-446-20584-5.

12. *Jungk P. S.* Franz Werfel : A Life in Prague, Vienna, and Hollywood Kindle Edition / P. S. Jungk. — New York : Fromm Intern, 1991. — 318 s. — ISBN-10 0880641304.

13. *Kalatenbali N. K.* Das Fremde in der Literatur: Postkoloniale Fremdheitskonstruktionen in Werken von Elias Canetti, Günter Grass und Josef Winkler / N. K. Kalatenbali. — Münster : LIT Verlag, 2005. — 264 S.

14. *Müller S.* Palästina als narrative Chance des literarischen Zionismus bei Herzl, Salten und Kafka / S. Müller // *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur, IASL.* — 2017. — № 42 / 1. — S. 77—109.

15. *Murphy H.* «Gute Reisende sind herzlich» : Canetti in Marrakesch / H. Murphy // *A Companion to the Works of Elias Canetti.* — Rochester NY : Boydell & Brewer, Camden House, 2004. — S. 157—173.

16. *Schleicher R. J.* Felix Salten als poetischer Zionist : Beobachtungen zum Reisebericht «Neue Menschen auf alter Erde» : Eine Palästinafahrt / R. J. Schleicher // *Felix Salten — der unbekannte Bekannte* / hrsg. von E. Seibert. — Wien : Praesens-Verlag, 2006. — Pp. 33—46.

17. *Schwarz A.* «Sie wiederholen nur immer, dass sie modern sein wollen» Ein Überblick über die neueste Forschungsliteratur zur Wiener Moderne [Electronic resource] / A. Schwarz // *Literaturkritik.* — 2009. — № 1. — Access mode : <https://literaturkritik.de/id/12636> (accessed 16.08.2021).

18. *Sonder I.* Reise ins Heilige Land [Electronic resource] / I. Sonder // *David : Jüdische Kulturzeitschrift.* — 2013. — № 3 (96). — Access mode : <https://davidkultur.at/artikel/reise-ins-heilige-land> (accessed 03.08.2021).

### Material resources

Canetti, E. (2002). *Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise. Bearbeitet von Kurt-Michael Westermann.* München: Carl Hanser Verlag. 160 S. (In Germ.).

Kanetti, E. (1990). *The Man of our Century.* Moscow: Progress. 474 p. (In Russ.).

Salten, F. (1925). *Neue Menschen auf alter Erde.* Berlin: Paul Zsolnay Verlag. 276 S. (In Germ.).

Werfel, F. (1938). *Von der Reinsten Glückseligkeit des Menschen Eine Reded gehalten vor der Völkerbundliga zu Wien im Dezember 1937.* Stockholm: Bermann-Fischer Verlag. 50 S. (In Germ.).

Werfel, F. (1975). *Zwischen Oben und Unten.* München-Wien: Langen-Muelle. 915 S. (In Germ.).

### References

Buber, M. (2013). Der Geist des Orients und das Judentum. In: *Werkausgabe.* München: Gütersloher Verlagshaus. 187—204. (In Germ.).



- Ekelund, L. (2007). Im Schrittempo des Flaneurs. Elias Canetti im jüdischen Viertel von Marrakesch. In: *Interkulturalität und Intertextualität. Elias Canetti und Zeitgenossen*. Dresden: Thelem. 185—193. (In Germ.).
- Ferguson, S. (1997). Elias Canetti and Multiculturalism. *Poetica*, 29 (3/4): 532—595.
- Görbert, J. (2009). *Poetik und Kulturdiagnostik. Zu Elias Canettis "Die Stimmen von Marrakesch"*. St. Ingbert: Röhrig. 124 S. ISBN 9783861104636. (In Germ.).
- Gottstein, M. (2007). *Felix Salten (1869—1945) — Ein Schriftsteller der Wiener Moderne*. Würzburg: Ergon Verlag. 308 S. ISBN 9783899135855. (In Germ.).
- Hanuschek, S. (2005). *Elias Canetti. Biographie*. München-Wien: Carl Hanser Verlag. 800 S. ISBN 3-446-20584-5. (In Germ.).
- Jungk, P. S. (1991). *Franz Werfel: A Life in Prague, Vienna, and Hollywood Kindle Edition*. New York: Fromm Intern. 318 p. ISBN-10 0880641304.
- Kalatenbali, N. K. (2005). *Das Fremde in der Literatur: Postkoloniale Fremdheitskonstruktionen in Werken von Elias Canetti, Günter Grass und Josef Winkler*. Münster: LIT Verlag. 264 S. (In Germ.).
- Kuchumova, G. V. (2019). *German-language novel of the turn of the XX—XXI centuries: the problem of the Other: monograph*. Samara: SAMARAMA. 216 p. ISBN 978-5-6043678-0-3. (In Russ.).
- Müller, S. (2017). Palästina als narrative Chance des literarischen Zionismus bei Herzl, Salten und Kafka. *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur, IASL*, 42/1: 77—109. (In Germ.).
- Murphy, H. (2004). «Gute Reisende sind herzlos»: Canetti in Marrakesch. In: *A Companion to the Works of Elias Canetti*. Rochester NY: Boydell & Brewer, Camden House. 157—173.
- Oparina, E. Yu. (2009). "Own" and "alien" in the artistic world of F. Verfel. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 24 p. (In Russ.).
- Said, E. V. (2006). *Orientalism. Western Concepts of the East*. St. Petersburg: Russian World. 639 p. ISBN 5-9900557-1-4. (In Russ.).
- Schleicher, R. J. (2006). Felix Salten als poetischer Zionist: Beobachtungen zum Reisebericht «Neue Menschen auf alter Erde»: Eine Palästinafahrt. In: *Felix Salten — der unbekannte Bekannte*. Wien: Praesens-Verlag. 33—46. (In Germ.).
- Schwarz, A. (2009). «Sie wiederholen nur immer, dass sie modern sein wollen» Ein Überblick über die neueste Forschungsliteratur zur Wiener Moderne. *Literaturkritik*, 1. Available at: <https://literaturkritik.de/id/12636> (accessed 16.08.2021). (In Germ.).
- Sonder, I. (2013). Reise ins Heilige Land. *David: Jüdische Kulturzeitschrift*, 3 (96). Available at: <https://davidkultur.at/artikel/reise-ins-heilige-land> (accessed 03.08.2021). (In Germ.).
- Trykov, V. P. (2017). Imagology and imagopoetics: two approaches to the study of the "Other". In: *Russia in the Literature of the West*. Moscow: MPSU. 17—28. (In Russ.).
- Volokitina, N. I. (2019). *Faustian motifs in the works of Franz Werfel*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 165 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022,  
одобрена после рецензирования 17.03.2022,  
подготовлена к публикации 20.04.2022.